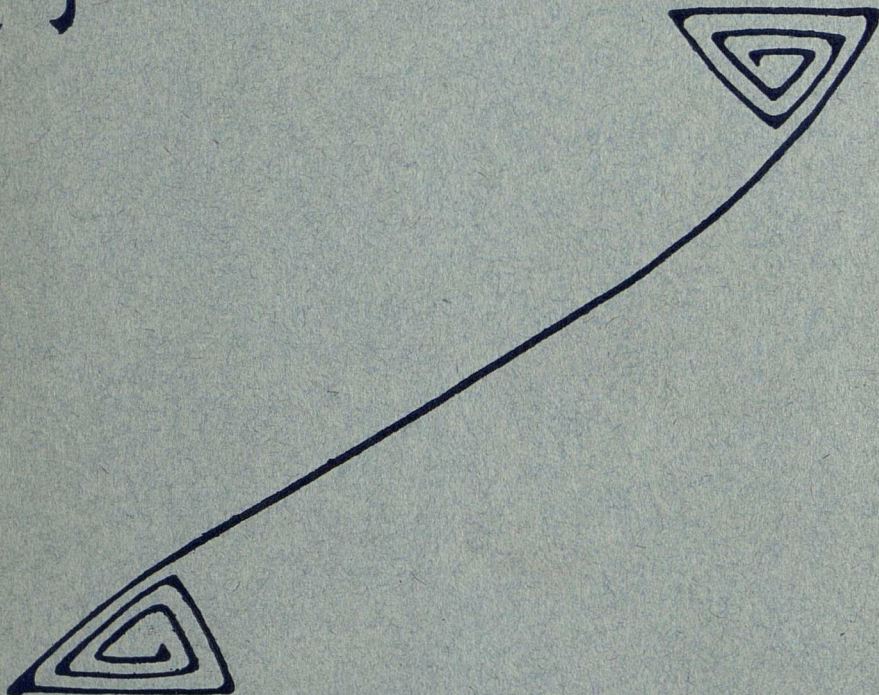

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 17.

15 Септября
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ“

не есть подражаніе общеизвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляетъ собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москов. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отправления кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ кричитъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“

Столь-же благоприятные отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинымъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вяжилинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ завѣдующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣателемъ этого препарата, докторомъ химіи К. Пале. Описание это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 17.

15 Сентября —
— 1907 г.

Дочери.

Гляжу я на сонъ твой, малютка родная,
Играетъ румянецъ на щечкахъ твоихъ;
Ты спишь такъ спокойно, такъ сладко, не зная
Заботъ, огорченій, печалей людскихъ.
Такъ чисто-невинно глядитъ небожитель,
Душою и мыслью лишь Бога любя...
Дремли же спокойно,—и Ангелъ-Хранитель
Отъ горя и зла да укроетъ тебя!

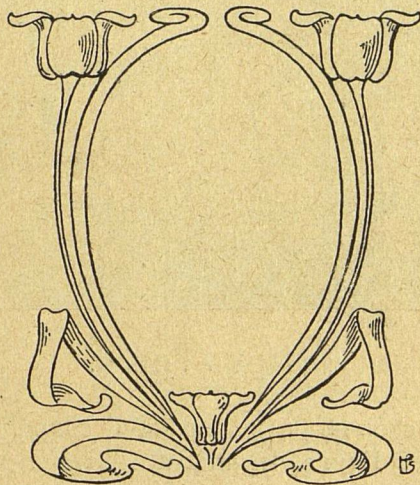
Чѣмъ дальше, тѣмъ больше сближая съ землею,
Младенчества годы твои пролетятъ,
И юныя грезы крылатой толпою
Твой дѣвичій сонъ чѣмъ-то новымъ смутятъ.
Въ тѣ дни чудныхъ сновъ и любви пробужденья,
Когда это чувство все красить собой,
И сердце трепещетъ въ чаду упоенья,—
Твой Ангелъ-Хранитель да будетъ съ тобой!

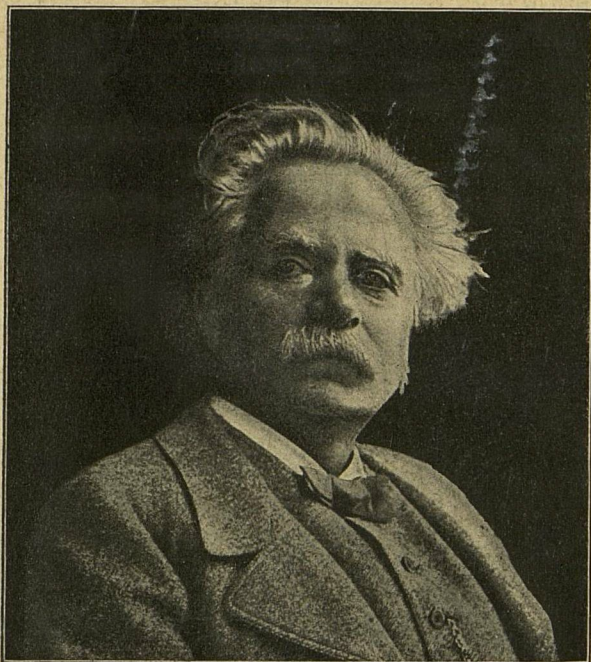
Но скоро пройдутъ эти дѣвичьи грезы;
Другая любовь на ихъ мѣсто придетъ,
Глубокое счастье и горькія слезы,
Блаженство и муки съ собой принесетъ.
Узнаешь ты матери чувства святыя,—
Что радость и горе намъ вносятъ въ судьбу,
И страсти могучей порывы живые,
И разума съ сердцемъ порою борьбу.

Настанетъ пора зрѣлыхъ думъ, размышленья,
Невѣдомыхъ дѣтскимъ и юнымъ годамъ;
Узнаешь ты горе, и боль, и лишенья,
Что жизнью обильно приносятся намъ.
И часто, быть-можетъ, сонъ дѣтски-невинный
Кошмаръ безотвязный замѣнитъ собой,—
И въ эти сознательной жизни години
Твой Ангелъ-Хранитель да будетъ съ тобой!

А годы идутъ... Вотъ ужъ косы густыя
Нѣтъ-нѣтъ да мелькнутъ кое-гдѣ серебромъ;
Пройдутъ безъ возврата порывы живые;
Устанешь ты сердцемъ, душой и умомъ.
И прежнія грезы крылатой толпою
Не станутъ тревожить сонъ старческій твой.
И въ эти години затишья, покоя,
Твой Ангель-Хранитель да будетъ съ тобой!

Петровъ-Леонидовъ.

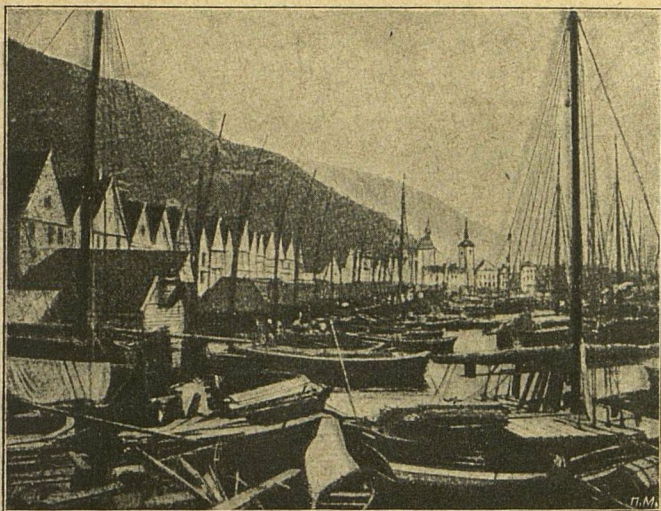

Эдвардъ Григъ.

22-го Августа скончался величайшій современный Норвежскій композиторъ Эдвардъ Григъ. Велика эта потеря для норвежцевъ; тяжела она и для насъ всѣхъ, ибо его музыка была одинаково хороша и для француза, и нѣмца, и русскаго, и вообще для всякаго образованнаго человѣка. Мало-мальски интересующійся музыкой знаетъ Грига. Его имя часто стояло и будетъ стоять въ программахъ концертовъ. Среди другихъ нотъ въ домахъ, у рояля, часто наблюдаешь большія тетради съ крупнымъ заглавiемъ: „Grieg“.

Грига называютъ сѣвернымъ норвежскимъ композиторомъ потому, что въ его музыкѣ чувствуется влiяніе Сѣвера. Покойный родился, провелъ дѣтство и отрочество въ своей родной Норвегіи. Сѣверная природа пробудила въ немъ впервые музыкальное дарованіе. Его пребываніе въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ учился преимущественно на нѣмецкихъ композиторахъ, не заглушило въ немъ его собственныхъ

Гавань города Бергена
(гдѣ послѣднее время жилъ Э. Григъ).

музыкальныхъ фантазій. Не поддался также Григъ и вліянію другихъ своихъ учителей, у которыхъ онъ учился позже, живя у себя, въ Норвегіи. У нихъ онъ лишь приобрѣлъ и пополнилъ музыкальное образованіе, талантъ же его развернулся вполнѣ самостоятельно подѣ сѣбною его родного Сѣвера, который былъ сильно любимъ Григомъ, и въ которомъ онъ провелъ большую часть своей жизни. Въ музыкѣ Грига слышатся пѣсни Норвежцевъ, слышится грусть и уныніе, которыя свойственны имъ, какъ и всѣмъ сѣвернымъ народамъ. Эта грусть развивалась подѣ вліяніемъ угрюмой и могучей природы Норвегіи, съ ея вѣчно бушующими морями, съ ея вьюгами и холодами, съ ея неприступными скалами и быстро бѣгущими рѣками. Но Григъ передалъ въ своей музыкѣ и рѣдкія минуты беззаботнаго веселья и танцевъ своего народа. Тогда его музыка дышетъ бодростью и жизнерадостностью.

Одновременно съ Григомъ жилъ тоже, недавно умершій, знаменитый норвежскій писатель Ибсенъ, у котораго Григъ часто заимствовалъ сюжеты для своей музыки.

Селеніе гдѣ родился Э. Григъ.

Въ этомъ номерѣ журнала вы найдете грустную „Пѣснь Сольведжіи“, написанную на слова Ибсена. Она дастъ вамъ понятіе о музыкѣ Грига.

Григъ не только національный, но и міровой музыкантъ, несмотря на сѣверный характеръ его произведеній, въ музыкѣ его чувствуется что-то общечеловѣческое, понятное каждому.

Грига смѣло можно назвать гениемъ. Геній его былъ блестящій и яркій, горѣлъ какъ звѣзда, самостоятельно, ни отъ кого не заимствуя свѣта. Григъ отъ природы былъ простъ, скромень и строгъ къ себѣ. Онъ не искалъ славы, но слава сама нашла его и еще при жизни Грига показала его всему образованному міру.

Лебеди.

Стоялъ чудный солнечный сентябрьскій день. Деревья С. Джемскаго парка, въ Лондонѣ, были словно окутаны легкимъ туманомъ, а вдали раздавался шумъ большого города и звонъ колоколовъ Вестминстерскаго аббатства. Въ паркѣ въ это время дня было много публики: одни катались въ лодкѣ, другіе гуляли по берегу озера, третьи, стоя на мосту, кормили водяныхъ птицъ.

Большіе бѣлые лебеди скользили по водѣ; послѣдняя была такъ спокойна и прозрачна, что красивое очертаніе гордыхъ птицъ совершенно ясно и точно отражалось въ ней.

Неудивительно поэтому, что молодыя лебедки никакъ не могли налюбоваться своимъ собственнымъ изображеніемъ.

Самый большой лебедь плылъ впереди съ величественнымъ надменнымъ видомъ. Въ С. Джемскомъ паркѣ онъ слылъ за очень важную персону и самъ онъ воображалъ, что весь паркъ принадлежитъ ему, что онъ его собственность. Звали его „Адмираломъ“ въ виду того, что онъ управлялъ всей флотиліей, жившихъ на этомъ озерѣ птицъ. Даже разноцвѣтныя утки признавали его авторитетъ и почтительно разступались передъ нимъ при его приближеніи.

Въ этотъ солнечный осенній день всѣ лебеди были крайне удивлены появленіемъ среди нихъ какого-то незнакомца, большого и стройнаго, похожаго на нихъ по сложенію, но чернаго, какъ уголь, съ ярко краснымъ клювомъ.

— Кто вы такой? спросилъ Адмираль.

Незнакомецъ ему привѣтливо поклонился и отвѣтилъ:

— Я черный лебедь.

— Что вы черны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—отвѣтила жена Адмирала, но вы не „лебедь“, никогда въ жизни я этому не повѣрю. Черныхъ лебедей вовсе не существуетъ.

Адмираль сдѣлалъ презрительный жестъ.

— Лебедь-ли онъ, или нѣтъ, это не важно, сказалъ онъ. Во всякомъ случаѣ его появленіе среди насъ очень дерзкій поступокъ. Если онъ на самомъ дѣлѣ лебедь, то еще непростительнѣе: его окраска всѣхъ насъ можетъ обезчестить. Милостивый Государь, честь имѣю вамъ кланяться. Будьте добры убраться по добру, по здорову къ себѣ, на родину.

— Увы! отвѣтилъ черный лебедь, какъ я былъ бы безконечно счастливъ, если бы могъ вернуться снова къ себѣ домой. Я уѣхалъ оттуда не по своему желанію; меня словили, привезли сюда и обрѣзали мнѣ крылья, чтобы я не могъ улетѣть.

— Гдѣ ваша родина?—спросилъ адмираль.

— Далеко, далеко, въ другой части свѣта!—отвѣтилъ чужеземецъ.—Тамъ всѣ лебеди черны, и всѣ находятъ ихъ красивыми.

— Всѣ лебеди тамъ черны!—закричалъ въ изумленіи Адмираль и всѣ лебедки. Что за дикая, должно-быть, страна!

— Страна эта не дикая!—сказалъ черный лебедь. Наше солнце и луна свѣтятъ ярче вашего, что за просторъ, что за приволье! Тамъ можно расправить крылья и улетѣть далеко, куда глаза глядятъ. Здѣсь-же все такъ мало, узко, настоящая тюрьма.

— Какую вы бессмыслицу говорите!—сказалъ недовольнымъ тономъ Адмираль. Посмотрите, какіе у насъ дворцы, парки!

— Что мнѣ до дворцовъ,—отвѣтилъ незнакомецъ. Я хочу настоящую деревню, полнѣйшую свободу и раздолье.

— Да вы полюбуйтесь только этимъ искусственнымъ озеромъ,—продолжалъ Адмираль. Вы, быть можетъ, не знаете, что оно устроено при помощи артезіанскаго колодца исключительно только для меня?

— Рѣка, на берегу которой я родился,—отвѣтилъ черный красавецъ, такъ широка, что не видно другого берега, и во время наводненій воды поднимаются иногда такъ высоко, что приходится плыть надъ вершинами большихъ деревьевъ. О, какъ это чудно хорошо! И черный лебедь расправилъ свои крылья, какъ будто онъ хотѣлъ улетѣть на край свѣта, къ себѣ на родину.

— Это возмутительно!—воскликнулъ Адмираль. Сравнивая свою дикую родину съ нашей, вы не только не даете предпочтеніе нашей странѣ, этому центру образованности и просвѣщенія, но еще осмѣливаетесь критиковать и рассказываете такія небылицы, которымъ самый маленькій ребенокъ не могъ бы повѣрить.

— Зачѣмъ вы такой грубый и рѣзкій со мной?—сказалъ пришелецъ. Я говорю только правду. Во всякомъ случаѣ, я одной съ вами породы; я лебедь, но я чужой здѣсь, и чувствую себя одинокимъ. Мы всегда съ радостью привѣтствуемъ своихъ гостей.

— Не смѣйте со мной спорить, прервалъ его Адмираль, а то я вамъ покажу! Вамъ придется остаться здѣсь, пока у васъ не отрас-

тутъ крылья, но совѣтую вамъ, для вашей-же пользы, не попадаться намъ на глаза.

Съ этими словами Адмиралъ захлопалъ своими бѣлыми крыльями и важно поплылъ дальше въ сопровожденіи всѣхъ лебедокъ, которыя во всемъ старались ему подражать.

— Сторожа парка съ любопытствомъ наблюдали за встрѣчей чернаго лебедя со старыми обитателями озера. Они, видимо, чѣмъ-то были встревожены.

— Какъ будто бы все на первыхъ порахъ обошлось благополучно,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Что-то будетъ дальше?

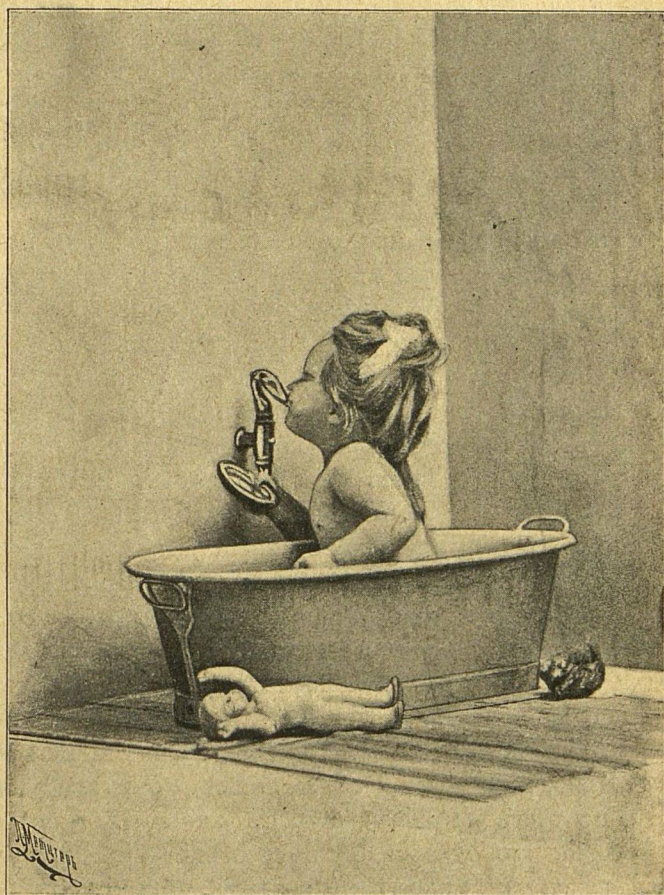
— Знаете-ли что?—отвѣтилъ другой,—мнѣ вѣдь очень не нравятся манеры Адмирала. Быть бѣдѣ.

Съ этого дня наступила для чернаго лебедя тяжелая, скучная жизнь. Ему было очень грустно покидать родину и всѣхъ своихъ родныхъ и друзей дѣтства, но во время пути, онъ утѣшался мыслью, что его бѣлые родственники устроятъ ему дружескую встрѣчу, и что онъ счастливо заживетъ среди нихъ.

Увы! его ожиданія не оправдались. Всѣ его, напротивъ, презираютъ, всѣ бѣгаютъ отъ него, всѣ сторонятся; для Адмирала онъ просто не существуетъ, а молодая красивая лебедка поспѣшно, завидя его, удаляются, словно онѣ боятся, какъ бы его черныя перья не запятнали ихъ снѣжную ослѣпительную бѣлизну. Утки и тѣ подражаютъ своимъ старшимъ и наносятъ ему всякія оскорбленія; маленькія утята плывутъ за нимъ и кричатъ:

— Почему вы такой грязный? Почему вы не моетесь? Воды въ озерѣ, кажется, много.

Только одной совѣмъ молоденькой и хорошенькой лебедкѣ стало его безгранично жалко, и она очень хотѣла бы его утѣшить, приласкать, но, однако, этого сдѣлать она не смѣла: Адмираломъ было строго-на-строго запрещено вступать съ чернымъ лебедемъ въ какія бы то ни было сношенія. Тѣмъ не менѣе, однажды вечеромъ, когда ихъ повелитель снизошелъ до разговоровъ, съ вновь прибывшимъ изъ Москвы, селезнемъ, молодая лебедка молча проскользнула къ черному лебедю, который, грустный и печальный, плавалъ въ запущенномъ, мало посѣщаемомъ уголкѣ озера. Надвигалась туманная ночь, въ воздухѣ стоялъ легкій морозецъ, и молодой южанинъ трясся отъ холода. Молодая красotka подплыла къ нему. Она была бѣлая,

какъ снѣгъ, а онъ былъ черенъ, какъ уголь, но ихъ отраженія въ водѣ въ сущности почти не отличались другъ отъ друга.

— Мнѣ всегда такъ ужасно жалко, когда вижу васъ такимъ грустнымъ,—шопотомъ сказала она ему. Расскажите мнѣ про свою родину, расскажите, какъ вамъ удавалось во время наводненій плыть надъ вершинами высокихъ деревьевъ; я то вамъ вѣрю.

Бѣдный черный лебедь со слезами на глазахъ поблагодарилъ ее за участіе и довѣріе къ нему. И вотъ онъ съ жаромъ принялся рассказывать ей про далекую страну, про свою любимую могучую рѣку.

Летишь версту за верстой, и конца края не видишь. Вдоль береговъ растутъ высокія деревья, всѣ обвитыя ползучими растеніями, и образующія густыя тѣнистыя аллеи. Тамъ много красивыхъ птицъ, не черныхъ и не бѣлыхъ, но всѣхъ небесныхъ цвѣтовъ.

Онъ говорилъ о большихъ бѣлыхъ и голубыхъ кувшинкахъ, держащихся на поверхности воды, о странныхъ утконосахъ (млекопитающее съ утинымъ носомъ и несущее яйца), о громадныхъ ящерицахъ. Онъ говорилъ еще о полетахъ черныхъ лебедей въ лунную ночь, свѣтлую словно день, когда вода въ рѣкѣ красиво играетъ, переливаясь серебромъ. Молоденькая англичанка, очарованная, все слушала съ затаеннымъ дыханіемъ, и оба они были такъ взволнованы, что не замѣтили приближеніе Адмирала.

— Негодяй,—неистово закричалъ онъ,—какъ смѣете вы бесѣдовать съ одной изъ моихъ женъ? Вы за это поплатитесь жизнью. Лебедка сейчасъ же скрылась, а Адмиралъ съ яростью набросился на черного лебедя. Завязался бой не на жизнь, а на смерть. Адмиралъ былъ больше и сильнѣе. Черный лебедь былъ стройнѣе и проворнѣе; однако-жь, горе и переменна климата похитили у него его природную силу, но тѣмъ не менѣе онъ съ такою ловкостью отражалъ удары Адмирала, что остался безъ сомнѣнія побѣдителемъ, если бы Адмиралъ рѣзкимъ крикомъ не созвалъ вокругъ себя своихъ приближенныхъ. Противъ столькихъ враговъ черный лебедь сопротивляться не могъ. Борьба скоро окончилась; побѣдители удалились, оставивъ побѣжденного умирать въ одиночествѣ. Собравъ всѣ свои силы, онъ добрался до маленькаго островка и легъ подъ березой. На небѣ поднималась луна и, казалось, съ жалостью смотрѣла на умирающаго лебедя. Обезсиленный и въ полусознаніи онъ позабылъ, что находится на чужбинѣ, въ этой непривѣтливой для него холодной странѣ. Онъ видѣлъ только лунный свѣтъ и воображалъ себя на берегу боль-

шой рѣки тамъ, далеко, на родинѣ. Публикѣ, проходившей въ эту ночь мимо парка, слышались тихіе, полные грусти, звуки. Прохожіе стали прислушиваться, но вскорѣ пришли къ заключенію, что это просто ихъ воображеніе.

На слѣдующее утро, тѣло умершаго лебедя было найдено сторожемъ подъ березой, на островѣ. Сторожъ негодовалъ на бѣлыхъ лебедей и увѣрялъ другого, что онъ заранѣе предугадывалъ эту печальную развязку: онъ ее прочиталъ уже давно въ злыхъ глазахъ Адмирала, за которымъ онъ все время слѣдилъ.

Молодая лебедка долго оплакивала покойнаго лебедя, всячески, впрочемъ, скрывая свое горе ото всѣхъ; ей пришлось даже ухаживать за Адмираломъ и выказывать участіе ему по поводу полученныхъ имъ во время боя нѣсколькихъ ранъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, общество акклиматизаціи Южной Австраліи прислало въ Лондонъ письмо, въ которомъ оно просило выслать ему нѣсколько бѣлыхъ лебедей. Рѣшено было отослать Адмирала и его двухъ самыхъ красивыхъ женъ.

— Я ужасно радъ отдѣлаться отъ такой злой птицы,—сказалъ сторожъ.

Адмиралъ былъ очень польщенъ.

Въ С. Джемскомъ паркѣ онъ былъ важной персоной; что-же будетъ тамъ, въ этой дикой, варварской странѣ, гдѣ и лебедей то бѣлыхъ нѣтъ? Какъ его будутъ уважать австралійцы! Эта мысль придавала ему бодрости, когда ему обрѣзали крылья и поддерживала въ немъ эту бодрость во время всевозможныхъ превратностей путешествія.

Его обѣ спутницы не такъ-то легко утѣшились. Онѣ то и дѣло, что жаловались, хныкали и такъ грустили, что совсѣмъ перестали собою заниматься; онѣ стали такими грязными и неряшливыми, что никогда бы нельзя было признать въ нихъ красавицъ С. Джемскаго парка. Во время остановки у мыса Доброй Надежды, одна изъ нихъ, не выдержавъ нравственныхъ страданій, скончалась. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, Адмиралъ былъ неутѣшенъ, но, какъ настоящій философъ, онъ взялъ себя въ руки и заставилъ себя убѣдить, что у него осталась еще одна жена, а это все-таки лучше, чѣмъ ничего.

— Ты будешь настоящей царицей, моя дорогая, въ этой дикой странѣ,—говорилъ онъ ей, когда они стали приближаться къ берегамъ Австраліи.

— Веди себя, какъ того требуетъ твое высокое положеніе; главное, подражай мнѣ во всемъ, что бы я ни дѣлалъ и ни говорилъ.

Когда пароходъ сталъ на якорь въ гавани Джаксонъ, лебедей отвезли въ Ботаническій садъ города Сидней и тамъ спустили ихъ въ обширныя озера. Адмиралу, скрѣпя сердце, пришлось согласиться, что ничего дикаго здѣсь нѣтъ, и что здѣсь не только ничуть не хуже, чѣмъ въ С. Джемскомъ паркѣ, но, пожалуй, еще и покрасивѣе. Вотъ большой рейдъ съ его широкими берегами, покрытыми серебристымъ морскимъ пескомъ, вотъ красивые острова, плывущіе на голубыхъ, ярко сверкающихъ водахъ. Въ Ботаническомъ саду Адмиралъ увидалъ красивые кустарники и деревья всѣхъ странъ свѣта, всевозможныя растенія, начиная съ маленькихъ хорошенькихъ цвѣтовъ сѣвера и кончая могучей листвою тропиковъ. Тутъ и стройный бамбукъ, и банановое дерево, и деревья—папоротники, и розы, и пахучая гвоздика. Цѣлые кусты геліотропа и герани, роши изъ камелій, опавшіе цвѣты, которыми устилали землю; воздухъ былъ пропитанъ благоуханіемъ магнолій и дурмана. Даже за блѣдными цвѣтами холодной Англіи былъ примѣрный уходъ, и, по всему было видно, что ихъ любили наравнѣ съ другими, несмотря на бѣдность ихъ красокъ и очертаній.

По красивому озеру плавали разныя породы птицъ, оперенія которыхъ были также ярки и красивы, какъ окраска окружающихъ ихъ цвѣтовъ. Когда Адмиралъ впервые погрузился въ Австралійскія воды, ему казалось, что онъ видитъ все это во снѣ. Придя, однако, мало-по-малу въ себя, онъ сильно взмахнулъ крыльями и гордо поплылъ впередъ, воображая, по примѣру прежняго, что онъ господинъ всего окружающаго. Его супруга послѣдовала за нимъ, подражая всѣмъ его движеніямъ и тоже воображая себя великой царицей.

— Теперь, дорогая, сказалъ Адмиралъ, намъ нечего терять времени, нужно намъ поспѣшить и привести себя въ порядокъ. Мы своимъ величіемъ должны ослѣпить эту низшую расу, а я ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы, чтобы насъ застали въ такомъ жалкомъ неприглядномъ видѣ.

Они принялись мыться, купаться, нырять, чиститься, причесываться и охорашиваться, пока наконецъ не стали бѣлыми, какъ снѣгъ. Увидавъ, что къ нимъ приближается цѣлая стая черныхъ, какъ смоль, лебедей, они приняли важную надменную позу.

Австралійскіе лебеди еще издали дружески имъ закивали, но Ад-

мираль и его супруга отвѣтили свысока на ихъ поклонъ. Черные лебеди не обратили никакого вниманія на ихъ поведеніе.

— Будьте, какъ дома, просимъ васъ, сказалъ ихъ вожатый. Мѣста вѣсьмъ хватить. Вамъ, конечно, немного не по себѣ отъ вашихъ смѣшныхъ бѣлыхъ платьевъ; непріятно такъ рѣзко отличаться отъ всѣхъ остальныхъ, но мы не насмѣшники, а затѣмъ, вы наши братья, и вы находитесь въ странѣ свободы. Добро пожаловать!

Бѣлые лебеди пришли въ неистовое бѣшенство отъ этой рѣчи, на которую не отвѣтили ни единымъ словомъ.

Черный лебедь приписалъ ихъ молчаніе исключительно скромности и, чтобы ихъ ободрить, продолжалъ:

— Вы не печальтесь, быть можетъ, нашему палящему солнцу удастся окрасить ваши перья. Я почту за счастье показать вашей супругѣ нашъ паркъ.

— Моя жена никогда не покидаетъ меня!—дерзко отвѣтилъ Адмираль.

— Какъ хотите, равнодушно сказалъ черный лебедь. Если я могу быть вамъ въ чемъ-нибудь полезенъ, скажите мнѣ, я всегда къ вашимъ услугамъ.

Бѣлые лебеди гордо удалились. Маленькія дѣти, игравшія въ саду, бросали чернымъ лебедямъ хлѣбъ, и всячески старались заманить и бѣлыхъ, но тѣ поплыли въ противоположную сторону.

Адмиралу было не весело. Его супруга была лишь его тѣнью и его эхо и не могла быть ему интереснымъ товарищемъ. Однако, онъ былъ доволенъ, видя, что она дѣйствительно олицетворяетъ величіе своего ранга, и съ каждымъ днемъ становится все неприступнѣе; все надменнѣе. Вѣдь на самомъ дѣлѣ, царица лебедка у себя на родинѣ дѣлила свое высокое положеніе со многими другими, здѣсь же, въ Австраліи, она была единственная въ своемъ родѣ.

Австралійскіе лебеди всегда дружественно раскланивались съ ними при встрѣчѣ; видя это, легко могло случиться, что Адмираль подчасъ и снизошелъ бы даже до разговоровъ съ ними, если бы не его супруга, которая ни за что ему этого не позволяла.

— Если ты только разъ обойдешься съ ними какъ съ равными, то они сейчасъ же зазнаются. Они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, какая пропасть раздѣляетъ ихъ отъ насъ, а потому мы не можемъ съ ними знаться, не роняя нашего собственнаго достоинства.

Австралійскіе лебеди были такъ поглащены своими собствен-

ными дѣлами, что обижаться на своихъ бѣлыхъ братьевъ и придавать какое-нибудь значеніе ихъ сдержанности не могли.

Наступила весна. Матери-лебедки собирались вить себѣ гнѣзда.

Жена Адмирала была крайне недовольна, что вѣточки, прутики и камыши другіе, чѣмъ въ Англіи, и грустила, что ея красавцамъ дѣткамъ придется жить въ этой противной странѣ, гдѣ никто не оценитъ по достоинству ихъ привлекательную внѣшность. Адмиралъ ее ревниво оберегалъ и такъ сердито ерошилъ свои перья, что казался вдвое больше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Напрасный трудъ: всѣ черные мужья такъ любили своихъ женъ, что никто изъ нихъ и не думалъ о бѣлой лебедкѣ. Наконецъ яйца лопнули и маленькія бѣлыя лебедята появились на свѣтъ Божій.

— Бѣдные малыши! — вздыхала мать. — Они и не подозреваютъ, какая имъ выпала тяжелая доля. Родиться въ этой варварской странѣ. О, несчастные!

— И чего ты все ворчишь? — спросилъ ее какъ-то Адмиралъ. Нужно-же, наконецъ, примириться съ дѣйствительностью и стараться воспитать дѣтей согласно ихъ положенію.

Появились въ этомъ озерѣ и черныя лебедята, нѣжный пушокъ которыхъ былъ не на много темнѣе, чѣмъ у бѣлыхъ, но супруга Адмирала утверждала, что ей дѣлается дурно отъ одного вида этихъ уродцевъ.

Бѣлые лебедята воспитывались какъ подобало ихъ знатному происхожденію, т. е. имъ запрещено было знакомиться съ сосѣдями и уплывать отъ родителей. Въ одинъ прекрасный день старшій сынъ, чѣмъ не менѣе, пропалъ.

— Гдѣ твой братъ? — спросила царица у своей дочери.

— Я подозреваю, что несмотря на всѣ твои запрещенія не водиться съ сосѣдними дѣтьми, онъ не устоялъ и отправился къ нимъ. Но, милая мама, у тебя осталась дочь, для которой всякое твое слово свято, и которая во всемъ всегда будетъ тебѣ повиноваться.

Мать, однако-же, не могла утѣшиться.

— Несчастный ребенокъ! — кричала она. — Кто знаетъ, чѣмъ все это кончится? Я боюсь сказать отцу.

При послѣднихъ словахъ матери, маленькій лебеденокъ вернулся.

— Добрая мама, прости меня, не сердись. Если бы ты только знала, какіе наши маленькіе сосѣди милые, и какое они участіе принимаютъ въ нашей судьбѣ, они жалѣютъ насъ отъ всего сердца.

— Какая дерзость!—воскликнула мать. Да за что-же они жалѣютъ васъ, скажи мнѣ?

— Да потому, мама, что когда мы вырастемъ, мы не будемъ такими черными красавцами, какъ всѣ остальные, а будемъ совсѣмъ бѣлыми, какъ ты и папа и никогда у насъ не будетъ ярко краснаго клюва.

— Маленькій невѣжда!—сказала мать;—ты не знаешь, что „настоящіе“ лебеди бѣлы и что имѣть красный клювъ считается въ свѣтѣ крайне неприличнымъ.

— Да нѣтъ-же, мама дорогая, ты ошибаешься; мы единственные въ свѣтѣ бѣлые лебеди, но это не бѣда. Я хочу быть такимъ, какъ мой отецъ, мать, и ты, моя любимая сестренка, согласна со мною, не правда-ли?

— Что за пустяки!—отвѣтила сестра.—Почему они думаютъ, что мы не станемъ такими же черными, какъ и они, когда мы вырастемъ? Что касается до меня, то я хочу быть совсѣмъ, совсѣмъ черной, совсѣмъ, какъ они, даже еще чернѣе, а клювъ у меня долженъ быть розовый, какъ камелія.

Перья несчастной матери взъерошивались все болѣе и болѣе при этомъ разговорѣ.

— Несчастныя, глупыя дѣти!—воскликнула она. Да поймите-же вы меня, наконецъ. Вотъ какъ разъ вашъ отецъ. И она быстро принялась рассказывать ему весь разговоръ дѣтей.

— Бѣдныя дѣтки!—мягко сказалъ онъ,—вотъ что значитъ родиться въ необразованной странѣ. Быть можетъ я раньше ошибался, воображая, что бѣлыя перья имѣютъ для всѣхъ одну и ту же цѣнность.

Лебедята отправились себѣ гулять и играть, а родители продолжали начатый разговоръ.

— Я прихожу къ тому заключенію, дорогая женушка, что разъ судьба обрекла насъ на житіе въ этой странѣ, мы, какъ никакъ, должны пойти на нѣкоторыя со своей стороны уступки и не препятствовать больше знакомству нашихъ дѣтей съ черными лебедями. Кромѣ того, должны же мы согласиться, что всѣ, какъ мы, такъ и они, лебеди. Что ты на это скажешь?

— Что я скажу?—отвѣтила лебедка-мать. Я скажу, что ты говоришь что-то странное, для меня непонятное. Какъ хватило у тебя настолько смѣлости, чтобы предложить мнѣ такое униженіе? Давно-ли

ты сталъ такъ мыслить? Неужели ты забылъ островокъ на озерѣ С. Джемскаго парка, а на немъ трупъ умершаго чернаго лебедя?

— Жена,—закричалъ Адмиралъ, я ничего не забылъ, но есть вещи, о которыхъ лучше-бы и не вспоминать.

— Неужели ты забылъ нашу красавицу лебедку, которая умерла отъ огорченія послѣ той ужасной сцены, свидѣтельницей которой она была?

— Я и ее не забылъ,—грустно отвѣтилъ Адмиралъ.

— Насколько мнѣ помнится,—проговорили они вмѣстѣ,—но для удовлетворенія чести бѣлыхъ лебедей ты не пожалѣлъ и принесъ въ жертву ихъ молодая жизни. Вспомни все это. Почему ты теперь такъ перемѣнился? Мнѣ стыдно за тебя.

— Можетъ быть я уже не тотъ, какимъ былъ раньше,—отвѣтилъ лебедь-отецъ.

У него былъ грустный и пришибленный видъ, жена-же его съ каждой минутой выходила все больше изъ себя.

— Наконецъ, ты долженъ оберегать мое достоинство, если ты позабылъ о своемъ собственномъ. Когда мы прибыли сюда, ты обѣщалъ мнѣ, что я буду царицей. Царицей чего? Я не только не царица здѣшняго парка, но потеряла авторитетъ даже въ глазахъ собственныхъ дѣтей.

— Дорогая моя,—сказалъ мужъ,—для меня ты царица.

Этотъ умный отвѣтъ нѣсколько смягчилъ на сей разъ взволнованную лебедку-мать.

Споръ на эту тему сталъ часто возобновляться. Адмиралъ все больше и больше покорялся своей судьбѣ, а жена, наоборотъ, становилась все раздражительнѣе и непримиримѣе. Онъ дѣлался мягче, она болѣе жестокой и упрямѣе. Онъ старался терпѣливо переносить всѣ ея выходки, чувствуя себя виноватымъ во всемъ: никто какъ онъ воспиталъ и вселилъ въ нее всѣ эти глупые предразсудки. Съ каждымъ днемъ она становилась все злѣе; ему было съ ней скучно, и онъ отъ души жалѣлъ, что не могъ поговорить съ сосѣдями, но уже было слишкомъ поздно теперь.

Молодые лебеди быстро подросли и перестали слушаться родителей, когда дѣло шло о черныхъ лебедяхъ. Мать оставила всякую надежду ихъ образумить, она только взяла съ нихъ обѣщаніе не говорить о нихъ въ ея присутствіи. Сынъ ея скоро очень подружился съ австралійскими лебедями. Ему такъ нравились ихъ открытыя, прав-

дивыя рѣчи, ихъ простое, ласковое со всѣми обращеніе, что онъ все болѣе и болѣе сталъ удаляться отъ ворчуньи матери и скучнаго отца. Маленькая „Бѣляночка“, такъ звали дочку, нѣкоторое время держалась въ сторонѣ отъ своихъ черныхъ подругъ; она продолжала вѣрить, что настанетъ день, когда она станетъ такой-же черной, какъ настоящая австралійская лебедка, и каждый день смотрѣла на свое отраженіе въ водѣ, въ надеждѣ увидѣть желанное превращеніе. Но съ каждымъ днемъ, увы, она становилась все свѣтлѣе и наконецъ стала такой-же красивой и бѣлой, какъ если бы она жила на берегу Темзы. Она постоянно жаловалась и это раздражало мать.

— О, мама!—говорила она. Если бы у меня было хоть одно черное перышко, одно единственное, я бы не была такой несчастной, и подумать только, что никогда, никогда въ жизни у меня не будетъ краснаго клюва. Я знаю, что всѣ здѣшніе лебеди всегда съ тайнымъ презрѣніемъ будутъ смотрѣть на меня, хотя они слишкомъ любезны, чтобы дать мнѣ это ясно почувствовать. Что касается до тебя съ папой, то вы уже старики и вамъ ничего, если надъ вами смѣются; вамъ все равно, чтобы о васъ другіе не думали, но я вѣдь молода, я никогда не воображала, что буду такая же бѣлая, какъ вы оба.

— Не знаю, что меня больше въ тебѣ поражаетъ: твое ли круглое невѣжество, или же твое полное безсердечіе къ намъ твоимъ родителямъ,—сказала мать, поспѣшно удаляясь отъ дочери.

Адмиралъ спокойнѣе выслушалъ дочь, но и его покорило то жестокое неодобреніе съ которымъ она выражалась, говоря о внѣшнемъ обликѣ своихъ родителей.

Когда она поняла все превосходство черныхъ лебедей, Бѣляночка стала менѣе дерзкой и надменной съ ними. Въ сопровожденіи брата она стала бывать у сосѣдей, радушный пріемъ которыхъ оставилъ глубокій слѣдъ въ ея холодномъ сердцѣ. Знакомство дочери съ черными лебедями сильно заинтересовало Адмирала, а когда жены не было, онъ любилъ говорить съ дѣтьми о здѣшнихъ жителяхъ, разспрашивалъ объ ихъ частной жизни, о нравахъ и привычкахъ.

Въ одно прекрасное весеннее утро лебедь-отецъ и дѣти о чемъ-то бесѣдовали, и такъ увлеклись, что не замѣтили, какъ подплыла мать и съ любопытствомъ смотрѣла на нихъ.

— Что вы тутъ все шепчетесь?—спросила она, наконецъ, недовольнымъ голосомъ. Кого вы боитесь, что говорите еле слышно?

Всѣ трое тревожно переглянулись и отецъ смущенно сказалъ въ полъ-голоса:

— Лучше всего сказать ей правду.

— Нѣтъ, папа, тебѣ удобнѣе будетъ все рассказать матери,— проговорилъ сынъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ Адмиралъ,—я вамъ этого, дѣти, не обѣщалъ; я обѣщалъ только поддерживать васъ, если моя помощь вамъ понадобится.

Тогда молодой лебедь выплылъ впередъ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ матери: „милая мама, боюсь, что мнѣ придется огорчить тебя, но это неизбежно. Я полюбилъ старшую дочь нашихъ сосѣдей и только что попросилъ ея лапку у ея родителей. Они согласны на нашъ бракъ. Папа тоже ничего противъ не имѣетъ.“

— Ты слишкомъ поторопился, дитя мое,—сказалъ Адмиралъ, дрожа отъ страха, какъ осиновый листъ.

— Вы, быть можетъ, хотите мнѣ еще что-нибудь сообщить?—спросила старая лебедка.

Отъ ея злого, проницательнаго взгляда мужъ молча опустилъ голову.

— Да, мама, я хочу,—отвѣтила Бѣлянка, я невѣста старшаго сына нашихъ другихъ сосѣдей.

При этихъ словахъ несчастная мать выскочила изъ воды и издала такой громкій и рѣзкій крикъ, что сторожъ стоявшаго вдали маяка спросилъ себя, что бы это могло значить?

— Милая жена, не волнуйся такъ, дай я тебя попрыскаю водой.

Царица, собравшись съ силами, величественно сказала:

— Если дѣла обстоятъ дѣйствительно такъ, то мнѣ остается одно—утопиться.

— Хорошо, дорогая,—покорно отвѣтилъ Адмиралъ.

— Хорошо?—повторила жена.—Что-же это значитъ?

— Прости меня, милая! Я хотѣлъ сказать, что по моему нужно тебѣ покориться.

Такъ какъ на самомъ дѣлѣ царица не имѣла ни малѣйшаго желанія топитья, то ей въ концѣ концовъ пришлось покориться. Въ теченіе цѣлаго года она не говорила ни съ сыномъ, ни съ дочерью, строя себѣ новое гнѣздо и воспитывая другихъ дѣтей. Слѣдующей весной появились новые лебедята, бѣлые, черные и пестрые, которые весело купались вмѣстѣ. При этомъ зрѣлище сердце бабушки

устоять не могло: она разрѣшила внучатамъ приходить къ ней въ гости, давая, впрочемъ всегда предпочтеніе наименѣе чернымъ. Она любила рассказывать имъ длинныя сказки про свою славную родину, гдѣ живутъ лишь бѣлые лебеди. Дѣти не скучали и любили слушать про „смѣшную страну“, какъ они называли Англію.

Тогда Адмиралъ съ грустью вспомнилъ прошлое. Быть можетъ его мучило угрызеніе совести, быть можетъ его терзалъ несчастный характеръ жены, но только онъ вскорѣ умеръ и не дождался своихъ правнуковъ.

Между бѣлыми и черными лебедями заключались все новые и новые браки и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все меньше и меньше проявлялись черты англійской породы. Мать-лебедка на много пережила своего мужа и съ отчаяніемъ видѣла, какъ угасаетъ ея племя. Нѣкоторые приписывали ея бѣлизну старости, другіе предполагали, что тому причина ея непомѣрная злость, и всѣ ея рассказы о лебедяхъ считались за простыя басни и миѳы.

Однажды, отправившись навѣстить своихъ правнуковъ восьмого поколѣнія, живущихъ вдали отъ нея, она застала встревоженныхъ родителей, поспѣшно вырывающихъ изъ крыла младшаго сына нѣсколько бѣлыхъ перышекъ, наслѣдіе англійскихъ праотцевъ, имъ это казалось страшнымъ уродствомъ.

Ударъ для старушки пробабушки былъ слишкомъ силенъ. Она этого пережить не могла и тутъ же скончалась.

Вдова Волка.

— Лизочка, что находится въ пруду Огюбель?

— Цвѣты, которыхъ никто не смѣетъ срывать и рыба, которую никто не смѣетъ ловить.

— А еще что?

— Зимородки, иволги, квакающія лягушки, ныряющія лисухи, саламандры и постоянно летающіе вирины.

— И это все?

— Нѣтъ. Тамъ живетъ, похожая на тѣнь, Вдова Волка, которая снуетъ взадъ и впередъ, никогда не отлучаясь оттуда.

— Не ходи же туда никогда, Лизочка, съ тобой случилось бы несчастье на берегу пруда Огюбель.

Ребенокъ обѣщалъ. А дѣдушка, по профессіи разносчикъ, старательно сворачивалъ съ дороги, стараясь миновать это дикое мѣсто, гдѣ его самого и его потомство подстерегало неимнуемое несчастье.

Это былъ очень старый прудъ, образованный стокомъ воды изъ узкой, извилистой и необитаемой долины. Долина на протяженіи болѣе версты, не измѣняла своего ландшафта, представляя непрерывный лугъ, по бокамъ котораго тѣснились лѣсистые холмы. Скалистый, обрывистый холмъ; въ самомъ концѣ пересѣкавшій долину, былъ весь въ глубокихъ расщелинахъ, гдѣ гнѣздились змѣи и куда пускалъ корни дрокъ. Ни одно другое растеніе не могло жить на вершинѣ этой скалы. Но за то онъ здѣсь достигалъ необычайнаго роста; онъ царилъ здѣсь, пять мѣсяцевъ въ году его желтые цвѣты оживляли зеленую листву дубоваго лѣса, примыкавшаго къ пруду. Часто увядшіе лепестки падали въ воду, и вѣтеръ ихъ гналъ къ берегамъ на подобіе кораблей, и крестьяне говорили: „Если съ лица земли исчезнетъ весь дрокъ, то и тогда его сѣмена можно будетъ найти въ пруду.“

А межъ тѣмъ они не любили приближаться къ берегу. Работая на поляхъ, расположенныхъ на холмахъ, они смотрѣли въ прозрачную глубь воды. Нѣкоторые изъ нихъ рисковали во время сѣнокоса закинуть въ прудъ удочку или поставить вершу, но никто не пытался селиться по сосѣдству съ Вдовой Волка, которая здѣсь властвовала.

Это переноситъ насъ въ далекую и грустную эпоху. Я познакомился съ Вдовой Волка, когда она была уже стара и всѣми презираема. Люди при встрѣчахъ съ ней сворачивали съ дороги, чтобы какъ нибудь не обнаружить, что они ее знаютъ. Многіе отказывались ей продать муки, соли, картофелю, въ которыхъ она нуждалась, и часто она должна была за этимъ обращаться къ крестьянамъ и торговцамъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Она была высокая, худая съ суровымъ и надменнымъ лицомъ и внушала дѣтямъ страхъ при своемъ приближеніи. Ея волосы, плечи и вся фигура исчезали въ складкахъ чернаго плаща, который въ былое время женщины носили по воскресеньямъ; а она носила всегда, выходя изъ дому. Было ли это признакомъ бѣдности или въ знакъ траура, кто ее знаетъ? Она вся была окружена таинственностью. Никто не протягивалъ руки худой

женщинѣ, никто не кланялся ей и никому не приходило въ голову провѣдать жива ли она, если цѣлыми недѣлями не встрѣчали ее. Матери говаривали дѣтямъ: „Если ты не будешь умницей, я расскажу Вдовѣ Волка“, и ребенокъ умолкалъ, укрываясь въ объятіяхъ матери.

А между тѣмъ Вдова Волка была когда то замѣчательно красива, и быть можетъ и добра. Она полюбила и вышла замужъ за мельника; его мельница, теперь развалившаяся, стояла на пруду въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ потомъ его жена построила изъ остатковъ камней и бревенъ хижину, въ который она сейчасъ жила. Времена, какъ я сказалъ, были тогда смутныя; мужчины дрались, кто въ рядахъ приверженцевъ короля, кто въ рядахъ республиканцевъ. Насталъ день, когда утомленные войной, заключили миръ.

Добровольцы возвращались домой; партизаны оставляли лѣса и поля. Опять слышались дѣтскіе голоса на мызахъ, опять можно было увидѣть на порогѣ дома женщинъ, спокойно сидящихъ за прялкой.

Дѣдушка малютки Лизы и мельникъ принадлежали къ двумъ враждебнымъ партіямъ; молодые, горячіе, еще издавна не ладившіе другъ съ другомъ, они въ одинъ и тотъ же день возвращались домой изъ обѣихъ армій.

Во время войны они десятки разъ безуспѣшно старались встрѣтиться и вотъ въ майскій вечеръ они встрѣчаются на дорогѣ, ведущей изъ лѣса къ подножію скалистаго хребта, Мельникъ былъ въ формѣ гренадера, въ высокихъ гетрахъ, французскомъ платьѣ съ трехцвѣтной кокардой на большой фетровой шляпѣ. Другой—съ вѣткой боярышника въ петлицѣ рыжей бумажной куртки. Еще издали, завидѣвъ другъ друга, они зарядили ружья.

— Жанъ-Франсуа, воскликнулъ мельникъ, ты долженъ мнѣ поклониться, потому что я побѣдитель.

— Здѣсь нѣтъ побѣжденныхъ, — отвѣтилъ Жанъ-Франсуа, нагнувъ шапку на уши. Возьми направо, а я пойду налево. Миръ заключенъ.

— Только не со мной. Ты дурно отзывался о моей женѣ, радовался, когда у меня сгорѣла мельница! Ты стрѣлялъ въ моихъ товарищей.

— А ты въ моихъ: мы воевали.

— Ты ничего не потерялъ, а ты побѣжденъ, я все потерялъ и возвращаюсь нищимъ.

Снимай шляпу!

— Передъ тобой, никогда!

Они подняли ружья. Въ эту минуту на вершинѣ холма показалась жена мельника. Она испустила крикъ: надъ ней, на дорогѣ, совершенно зеленой отъ молодой зелени, двое мужчинъ въ разстояніи сорока шаговъ одинъ отъ другого цѣлились другъ въ друга.

— Жанъ-Франсуа! крикнула она.

Но крикъ затерялся въ шумѣ двухъ выстрѣловъ. Надъ пустынной дорогой взвился дымокъ. Гренадеръ лежалъ навзничъ — пуля пробила ему сердце. Жанъ-Франсуа перепрыгнулъ черезъ высокій сосѣдній заборъ и убѣжалъ въ поле.

Ужасный призракъ! Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а она все еще оставалась здѣсь, наполняя ужасомъ проклятое мѣсто, гдѣ раздался послѣдній выстрѣлъ великой крестьянской войны. Мельничиха, почти обезумѣвшая, собственными руками поправила свой развалившійся домъ и, одичавшая, подурнѣвшая отъ горя и нищеты, она потеряла все, вплоть до своего имени: крестьяне, видя ея образъ жизни и вспоминая буйный нравъ ея мужа, называли ее не иначе какъ Вдовой Волка. Она обкрадывала картофельныя поля, воровала дрова въ лѣсу; охотилась за дичью, какъ мужчина, а въ особенности разставляла сѣти на пруду Огюбель. Очень рѣдко, только, въ тѣхъ случаяхъ, когда ей не хватало провизіи или же она имѣла для продажи отборную дичь, она отправлялась въ деревню. Ее считали способной на все, такъ какъ она только одно твердила: „Мельникъ умеръ и Жанъ-Франсуа умретъ. Онъ падетъ тамъ, гдѣ палъ тотъ. Я для него сохранила пулю. Когда онъ пройдетъ мимо пруда, онъ тамъ останется. Я не пойду его убивать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но я его здѣсь убью, его или кого-нибудь изъ его рода“.

И въ теченіи сорока лѣтъ она лелѣяла мысль о мщеніи. Разносчикъ поэтому избѣгалъ подходить къ холмамъ, которые замыкали прудъ и запрещалъ своей единственной внучкѣ Лизѣ, которая составляла всю его семью, приблизиться къ дорогѣ, на которой онъ когда то встрѣтилъ своего врага. Теперь, будучи уже старикомъ, онъ считалъ грѣхомъ, что защищался тогда, и каждый годъ служилъ панихиду по убитомъ республиканцѣ. Онъ былъ всегда грустенъ. Иногда, возвращаясь вечеромъ съ тюкомъ за плечами и внезапно за откосомъ пустынной дороги наткнувшись на рощицу, онъ предпочиталъ свернуть и слѣлать лишнѣхъ полъ-версты, чѣмъ пройти прямо. Вся

его радость омрачаемая постоянной тревогой, была—видѣть какъ растеть Лиза.

Дѣвочкѣ скоро должно было исполниться десять лѣтъ. И какой это былъ радостный день, когда, одѣтая въ бѣлое, блѣдная и хрупкая по сравненію съ подругами, но граціознѣе и наряднѣе другихъ, она въ первый разъ причащалась. Мѣстечко было разукрашено зелеными гирляндами—это было въ началѣ іюня. Матери стояли въ этотъ день въ церкви позади дѣвочекъ. Всѣ плакали. Жанъ-Франсуа, стоя среди нихъ, дѣлалъ то же, что и онѣ и, хотя онъ не спускалъ съ нея глазъ, онъ едва видѣлъ своего ребенка, такъ какъ слезы текли помимо его воли. У него было столько причинъ для слезъ! въ прошломъ было столько печальнаго, въ настоящемъ столько волненій и помимо воли страхъ за будущее! Утромъ Лиза сказала:

— Дѣдушка, я помолюсь за мужа мельничихи, хочешь?

— Я это дѣлаю вотъ уже сорокъ лѣтъ,—отвѣтилъ старикъ.

Утомленный, онъ отпустилъ ее одну домой (они жили на концѣ деревни) поручивъ ее двумъ женщинамъ, которые шли въ ту же сторону, а самъ зашелъ въ трактиръ.

— Дайте мнѣ бутылочку стараго вина: хочу посмотрѣть, молодъ ли я еще. Вино осушило его слезы, развеселило и заставляло забыть Лизочку.

Ребенокъ вскорѣ очутился одинъ дома. Домъ выходилъ одной стороной на дорогу, а другой—на деревню. Дѣвочка привыкла къ одиночеству, но сегодня ей было грустно видѣть себя одинокой. Она слышала, какъ приходили толпы дѣтей съ матерями, дѣтскіе голоса были сдержаннѣе и пѣвучѣе обычнаго. Она принялась разсматривать лежавшія на столѣ три просфоры, принесенныя ею изъ церкви; онѣ имѣли форму звѣздъ, настоящихъ звѣздъ изъ золоченой бумаги, какія бываютъ на хоругвяхъ.

— Одна просфора дѣдушкѣ, другая — теткѣ Готонъ. А третья кому? Она задумалась. Никто не мѣшалъ ей. Сердце ея было раскрыто для всѣхъ, она была такъ довольна, такъ чиста, что ничто не пугало ее, и она отвѣчала самой себѣ:

— Вдовѣ Волка!

Бѣдная десятилѣтняя малютка не вѣрила въ зло, потому что сама была бѣлоснѣжно-чиста; она была храбрѣе мужчины, такъ какъ чувствовала себя счастливой.

Не долго раздумывая, она беретъ просфору и черезъ калитку

выходить въ поле, и направляется вдоль хлѣбовъ, погружая свои бѣлые башмаки въ высокой травѣ. Она идетъ степенно, не робѣя, не оборачиваясь. Ея вуаль зацѣпляется за колючки, и она ее завязываетъ на груди. Дѣвочка кажется видѣніемъ среди колосевъ. Поля кончаются, начинается лѣсъ и не слышать больше голосовъ, наполняющихъ деревенскій воздухъ.

А дѣдушка все еще сидитъ въ трактирѣ и пьетъ. Лиза приближается къ пруду. Она не думаетъ объ опасности, о которой ей столько разъ твердили. Развѣ этотъ день похожъ на другіе? И что-жъ, если она принесетъ Вдовѣ Волка просфору? Никто не подумалъ о вдовѣ мельника, у которой нѣтъ ни дѣтей, ни родственниковъ, ни друзей, которые бы позаботились о ней.

Дѣвочка достигла вершины холма. Она по склону спустилась по другую сторону и достигла каменной хижины, покрытой хворостомъ, съ дверью наполовину открытой. Какая бѣдность! Совсѣмъ свиной хлѣвъ. Прозрачная вода, подымаясь среди холмовъ, наполняетъ ближайшую долину. Наклоняясь и держась за кусты, можно видѣть, какъ въ зеркалѣ, свое отраженіе.

Сердце маленькой Лизы сильно стучало. Она переступила порогъ съ привѣтствіемъ на устахъ.

— Здравствуйте, Вдова Волка!

Но тамъ никого не было. Кухонные горшки, связки травы, ружье въ углу, старая шляпа съ кокардой, стулъ и очагъ — вотъ и все. Хворостъ хрустѣлъ подъ горячими лучами юньскаго солнца; сверчки безумно трещали.

— Я хочу, однако, чтобы она знала, что я здѣсь была, — сказала дѣвочка.

Она взяла свой перочинный ножикъ и кончикомъ его нацарапала на просфорѣ свое имя, затѣмъ положила ее на край печки. Теперь ей сдѣлалось страшно и она пустилась бѣжать къ дому дѣдушки.

— Дѣдушка, дѣдушка, я отнесла просфору Вдовѣ Волка!

Когда старикъ услышалъ это, онъ сдѣлался бѣлымъ, какъ та вѣтка боярышника, которую онъ носилъ въ петлицѣ во время войны.

II.

Прошло четыре мѣсяца. Маленькая Лиза больна и всѣ сосѣди увѣрены, что она скоро умретъ. Она слаба и бредитъ, и деревенскіе

мальчишки, еще издали завидѣвъ крышу ея дома, сдерживаютъ стадо и перестаютъ кричать на животныхъ, которыхъ они гонятъ въ поле.

Старикъ уже не смѣется и не выпиваетъ съ друзьями: онъ не оставляетъ комнаты, гдѣ минуты сосчитываются прерывистымъ дыханіемъ ребенка, который, казалось, спѣшилъ быстрыми глотками исчерпать жизнь. Это едва замѣтное дуновеніе, но для старика оно громче всякаго наружнаго шума и заставляетъ его бодрствовать цѣлыя ночи. О, если бы онъ могъ испариться! если бы лихорадка прекратилась! хоть бы она открыла глаза, которые упорно закрыты! Уже цѣлую недѣлю она ни проронила ни слова. Возлѣ ея кровати перебивали всѣ дѣти и, когда они уходили, старикъ читалъ на ихъ лицахъ одно и то же „прощай, маленькая Лиза!“ Они ее оставили. Никто больше не рѣшается зайти — несчастіе слишкомъ близко. Врачъ сказалъ: „я зайду“ и не заходилъ. У старика нѣтъ больше слезъ. Онъ сидитъ въ соломенномъ креслѣ, который одолжила ему мѣстная богачка, и смотритъ на бѣлую кроватку, которая окутывается темнотой, на блѣдную головку, жизнь которой выражается только въ слабомъ дыханіи, выходящемъ изъ открытыхъ устъ; спускается ночь; поля безмолвны въ этотъ полуночный часъ.

Среди ночи въ комнату проникъ лучъ луны и въ ту же минуту Лиза подняла свои блѣдныя вѣки. Старикъ наклонился надъ ребенкомъ. Онъ не встрѣтилъ ни улыбки, ни яснаго взгляда, ни радости, которые были свойственны дѣвочкѣ; но онъ услышалъ сонный голосъ:

— Дѣдушка, гдѣ ты?

— Здѣсь, дѣтка, возлѣ тебя. Развѣ ты меня не видишь?

— Я хотѣла бы серебряную рыбку, которая плаваетъ въ пруду Огюбель. Она у берега; у нея два красныхъ плавника, она плаваетъ среди камышей. Поймай ее. Я буду спасена, если съѣмъ рыбку изъ пруда.

Лиза снова опустила вѣки. Она не поняла, что ей отвѣтилъ старикъ. На ея лицѣ появилась одна изъ тѣхъ дѣтскихъ улыбокъ, которыя выражаютъ какъ просьбу, такъ и благодарность.

Старикъ не долго колебался. Онъ разбудилъ сосѣдку, которая замѣнила его у кровати больной, а самъ пошелъ на чердакъ, гдѣ находилась верша. Вотъ онъ выходитъ черезъ калитку сада съ вершей на плечѣ. Передъ нимъ открывается голубая даль дороги, тропинки, носящія слѣды ногъ бродившаго здѣсь скота.

Бѣдный старикъ, ты знаешь какая месть ждетъ тебя тамъ; ты

знаешь, что она не спитъ и едва раздается шумъ отъ опущенной въ прудъ удочки, какъ въ кусты проскользнетъ женщина, и капризь малютки Лизы можетъ тебѣ стоять жизни.

Но старикъ одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ любить. Онъ ни на минутку не замедлилъ шаговъ. Только вмѣсто того, чтобы подойти къ пруду со стороны плотины, онъ пошелъ лѣсомъ. Но когда онъ спустился по склону, когда тѣнь отъ кустовъ осталась за нимъ и онъ очутился, облитый луннымъ свѣтомъ, на лугу, окаймлявшемъ неподвижную водяную гладь, онъ перекрестился, сердце тревожнѣе забилося.

Онъ закинулъ удочку и искалъ глазами серебряную рыбку. Онъ видѣлъ только, какъ лунные блески, перемѣшанные съ тьмою, скользили по поверхности, то расплываясь, то двигаясь съ такой быстротой, что за ними нельзя было услѣдить. Гдѣ же это счастливое мѣсто? Онъ наугадъ поднимаетъ удочку и снова погружаетъ ее между камышей. Звѣзды дрожащимъ свѣтомъ отражались въ водѣ.

Вдова Волка не спала. Она слышала хрустѣніе ломавшихся въ лѣсу вѣтвей и видѣла, какъ оттуда вышелъ тотъ, котораго она ждала столько лѣтъ, убійца ея мужа, врагъ, котораго непонятное безуміе привело на мѣсто неотомщеннаго преступленія. Ее охватила дикая радость. Черезъ оконце своего дома она смотрѣла на стоявшаго на берегу старика.

— Ты въ моихъ рукахъ, — сказала она совсѣмъ тихо и засмѣялась.

Она сняла заржавленное ружье, которымъ она убивала утокъ и лебедей, прилетавшихъ на прудъ.

Кустарникъ былъ такъ высокъ, что старикъ не могъ замѣтить черной фигуры, которая согнувшись спускалась съ вершины холма. Сквозь вѣтки зелени просунулся стволъ ружья, направленный на сосѣдній берегъ и божьи ангелы, летавшіе въ ночи, были свидѣтелями ужаснаго зрѣлища: Вдова Волка цѣлилась въ своего врага и взялась уже за курокъ ружья.

Но въ тотъ моментъ, когда рука уже готовилась спустить курокъ, женщина замѣтила на поверхности пруда отраженіе мигающихъ звѣздъ. Онѣ покрывали воду своимъ веселымъ блескомъ, окутывали имъ землю, на которой сидѣлъ человѣкъ. И каждая изъ звѣздъ была похожа на ту просфору, которую оставила въ хижинѣ маленькая Лиза.

— Уходите звѣзды, уходите!

Но онѣ не уходили.

Три раза Вдова Волка поднимала свое ружье и каждый разъ снова опускала.

Въ третій разъ старикъ поймалъ рыбку; онъ схватилъ ее и, оставивъ на травѣ вершу, пустился бѣжать.

Вѣтви хрустѣли, какъ при погонѣ за убѣгающей серной.

Тогда, упустивъ свою добычу, Вдова Волка издала яростный крикъ и выпрямившись на краю обрыва, бросила въ воду ружье, участника великой войны. Ружье покружилось и упало, разбивъ водяную гладь, полную звѣздъ, навѣки скрывшую его.

Старикъ бѣжалъ уже по дорожкѣ, оставивъ за собой лѣсъ, съ серебряной рыбкой, которая должна была спасти малютку Лизу.

* * *

На слѣдующій день Вдова Волка покинула прудъ Огюбель. Она отправилась въ городъ и добралась до богадѣльни.

— Я Вдова Волка, которая сорокъ лѣтъ лелѣяла мечту о мести.

Человѣкъ этотъ пришелъ на намѣченное мѣсто. Его жизнь висѣла на кончикѣ моего ружья. Но звѣзды слишкомъ сильно напоминали просфору малютки. Мое сердце дрогнуло. Теперь я больше ни на что не гождусь: примите меня.

Ее приняли за безумную. Она поступила въ богадѣльню. Здѣсь я узналъ ее и здѣсь же она жила до самой смерти.

ИГРЫ:

Колокольчикъ.

Всѣмъ изъ играющихъ повязываютъ глаза, исключая одного, которому повязываютъ на шею колокольчикъ. Играющіе съ повязанными глазами вооружены каждый жгутомъ и преслѣдуютъ по слуху того, у котораго повязанъ на шеѣ колокольчикъ.

Въ этой игрѣ бываютъ пресмѣшныя сцены: такъ, одинъ изъ повязанныхъ, слыша возлѣ себя шорохъ, бросается по звуку и наносить

ударъ жгутомъ своему товарищу, такому же повязанному, какъ и онъ. Съ другой стороны, имѣющій на шеѣ колокольчикъ старается пройти безъ шума возлѣ повязаннаго и вдругъ измѣнникъ колокольчикъ брякнетъ и онъ получаетъ ударъ жгутомъ, самъ надѣваетъ на глаза повязку, а колокольчикъ отдаетъ ударившему.

Во время игры трогать рукою колокольчикъ не дозволяется, для чего многіе связываютъ тому, у котораго колокольчикъ, руки за спиною.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

Балъ звѣрей.

У поросятъ вчера былъ балъ...
Конечно, дѣтки, всякъ слыхаль,
Что балъ бываетъ у людей
Но ужъ никакъ не у звѣрей.
Однако, я уже сказалъ,
Что у свинушечекъ былъ балъ.
Сбирались разные тамъ гости;
Барбось пришелъ размять тутъ кости,
И утка вслѣдъ за нимъ кряхтитъ,
Какъ-будто тяжесть волочить;
Явились изъ-за гумна,
Пѣтухъ и съ нимъ его жена;
Но всѣхъ наряднѣй, веселѣй
Мадамъ Кись-Кись и дѣтки съ ней.

Бижу пришелъ, кудрявый пестъ,
Коробочку конфетъ принесъ;
Зайченокъ—въ сѣромъ пиджакѣ,
А гусь—въ халатѣ, колпакѣ;
Ну, словомъ всякій былъ тутъ сбродъ,
И даже появился кротъ.
Свинѣ копытце цѣловали,
А дамы даже присѣдали.
Она по щечкамъ ихъ трепала,
Бижутку-жъ—нѣжно цѣловала.
Затѣмъ къ Кисъ-Кисъ всѣ приступили.
Къ роялю силой усадили,
И, упросивъ еѣ играть,
Пустились отъ души плясать.
Кисъ-Кисъ отличнѣйше играла,
Гусыня съ зайцемъ танцевала,
А утка крикала, устала,
Но все-жъ съ Барбосомъ такъ плясала,
Что послѣ въ обморокъ упала;
Маруська, кошечка моя,
Въ козла влюбилась не шутя;
Вздирали ножки поросята,
Плясали русскую котятъ,
И даже старый, жирный кротъ
Съ женой своей проползъ впередъ.
Ну, словомъ праздникъ шелъ отлично,
И всѣ вели себя прилично!
Но только ужинать подали,
Котятъ съ мѣстъ вдругъ повскакали,
И поросята имъ во слѣдъ...
Пѣтухъ залѣзъ тутъ на паштетъ,
Кричалъ и пѣлъ: „Ку-ку-ре-ку!“
Какъ-будто дома, на суку;
Залѣзла утка въ съ супомъ миску,
Толкнувши по дорогѣ Киску;
Та въ свою очередь озлилась
И уткѣ прямо въ хвостъ вцѣпилась;
Бижу подрался тамъ съ Барбосомъ,

Домой пришель съ разбитымъ носомъ.
И крикъ, и гамъ, и шумъ, и стукъ!
Накинувъ наскоро сюртукъ,
Папаша Боровъ тутъ вбѣжалъ,
И всю исторію понялъ.
Схвативъ своихъ двухъ сыновей,
Онъ въ дверь ихъ вышвырнулъ скорѣй;
Затѣмъ съ гостями началъ драться,
И всѣхъ заставилъ вонъ убратъся;
И скоро зала опустѣла:
Одна Кротиха лишь сидѣла;
Онъ дверь ей молча указалъ...
Затѣмъ касторки ложку взялъ,
И на диванъ улегся спать...

Пора и мнѣ давно кончать;
Но я прибавить лишъ хотѣлъ,
Что левъ, узнавъ про то, велѣлъ:
„Баловъ не дѣлать никогда,
А то случится-молъ бѣда“.

Р. Шоръ.

Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для ДѢТЕЙ 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологій, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти, рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

Контора Редакціи: Москва, Малая Лубянка, 18. Тел. 15-03.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

СВѢТОПИСЬ

журналъ практической фотографіи и
ея примѣненій.

— Официальный Органъ Саратовскаго и Одесскаго Фотографическихъ Обществъ. —

Двадцать четыре выпуска въ годъ. ☆ ☆ ☆ Ежемѣсячныя приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала (Петровка, № 15), въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), въ магазинахъ „Художникъ“ (Камергерскій пер.), І. Покорнаго (Петровка), І. Стеффенъ (Столешниковъ пер.), О. Іохимъ и К^о (уг. Рождественки и Софійки), Р. Якобъ (Тверская), Л. Шимборскій (Кузнецкій пер.), „Жакъ“ (Петровка), въ конторѣ Т-ва „Побѣда“ (Новая Басманная) и др.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ магазинѣ І. Стеффенъ, Казанская, 5.

„ **ОДЕССѢ,** въ магазинѣ І. Покорнаго, Еврейская, с. д.

„ **КІЕВѢ,** въ магазинѣ І. Покорнаго, Крещатикъ, 43.

„ **РОСТОВѢ** н/д., въ магазинѣ І. Покорнаго, Садовая, 51.

„ **КАЛУГѢ,** въ фотогографіи В. Н. Ченцова

и во всѣхъ лучшихъ складахъ фотографическихъ принадлежностей и книжныхъ магазинахъ.

Члены Обществъ и служащіе казенныхъ и частныхъ учреждений, подписывающіеся чрезъ своихъ назначеневъ, платятъ 2 рубля 50 копѣекъ.

Для ознакомленія съ журналомъ пробный абонементъ
на 1 мѣсяцъ бесплатно.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕСЪ:

Въ Москву, журналу „Свѣтопись“,
коммер. ящ. 593.

Редакторъ-Издатель

И. Д. Перепелинъ.